

ДНЕВНИК
ТАМАРЫ
ЛАЗЕРСОН

«...Где взять в гетто толстую тетрадь? Увы, несчастье помогло. Наши друзья, семья Румшиисских, пытались убежать из гетто. Но Румшиисских схватило гестапо, откуда они живыми уже не вышли. Узнав о случившемся, мы пошли к ним на квартиру - там всё было уже перевернуто вверх дном. На полу валялась толстая тетрадь, и в ней - записи по авиамоделированию их сына Цезаря. В тетради оставалось много пустых страниц, чем я и воспользовалась. Я дала тетради вторую жизнь, превратив её в свой дневник. Тетрадь очень старая, порвалась обложка, пожелтели страницы. Я очень берегу её, ведь она - единственная моя реликвия, сохранившаяся с тех ужасных дней» - это строки из предисловия Тамары Лазерсон к своему дневнику, который она вела в Каунасском гетто. Он издан на разных языках и побывал экспонатом выставки в Вашингтонском музее холокоста.

Дневник Тамары, до 13 лет счастливо жившей в Каунасе с родителями (отец - известный профессор психологии, завкафедрой в Вильнюсском университете, практикующий врач) и двумя старшими братьями, обрывается 7 апреля 1944 года единственным словом - «Побег». Тамара бежит из гетто и следующие месяцы проводит в укрытии, у людей, не побоявшихся приютить еврейского ребёнка. Вернувшись в город, встречает брата Виктора, который закопал дневник сестры в жестяной коробке под окнами дома и чудом смог потом найти его среди руин сожжённого гетто...

В декабре 1944 года отец Тамары погиб в концлагере Дахау. Позже умерла мама от тифа в лагере смерти Штуттгоф. О своей дальнейшей судьбе нам написала по электронной почте из Хайфы (Израиль) сама Тамара Владимировна: «После гетто и ужасающей резни, в которой погибли 96% еврейского населения Каунаса, я осталась жива благодаря самоотверженным усилиям моих спасительниц. Я окончила 6-й класс и поступила учиться на рабфак при Каунасском университете. Переехала в Вильнюс и продолжила учёбу в тамошнем университете. В 1952 году окончила университет, вышла замуж за своего однокурсника Михаила Ростовского и отправилась вместе с мужем по направлению работать на военный завод в г. Йошкар-Ола. Там родилась наша старшая дочь. Мы вернулись в Вильнюс, где родилась наша вторая дочь. В 1971 году выехали в Израиль и поселились в Хайфе. В Израиле я отработала ещё 17 лет, муж умер, я живу на пенсии. Имею семерых внуков и двух правнуков». При отъезде в Израиль Тамаре удалось переправить рукопись через границу дипломатической почтой, возможно, благодаря тому, что в посольстве она сказала, что вела дневник, как и Анна Франк...

1942

Сентябрь 13 (воскресенье). Погода плохая. Каждый день льет и льет дождь. Осень началась слишком рано. Настроение плохое. Положение с каждым днем ухудшается. Дома ничего нет: ни муки, ни картофеля. Основная наша пища сейчас - морковь и помидоры, которые пока еще растут на огороде. На рынке гетто продаются лучшие яблоки, сливы и груши, но, к сожалению, все это не для нас.

Сентябрь 14 (понедельник). Случайно попала в бригаду. Была недалеко от рыбного рынка. К моему большому удивлению, речи и мысли евреев только и вращаются вокруг пакета. Хотя нам запрещено что-либо проносить в гетто или вообще что-нибудь покупать, наши люди рискуют и покупают. Спрятав продукты в разных местах одежды, пытаются пронести через ворота. Даже имея при себе 5 килограммов, ухитряются «чисто» пройти проверку. (...)

Сентябрь 15 (вторник). Скучно. Голод ощущается все больше и больше. Нет новостей, которых мы так жаждем. Я благодарю Бога, что у меня есть книги. Когда кругом свирепствует осень, я сижу, съевшись, в комнате и читаю свое богатство - Детскую энциклопедию. Стоит только углубиться в эту книгу, и ты забываешь об осени, голоде и холоде. Ты забываешь обо всем. Перед тобой открывается все то, что пережили и выстрадали люди, изобретая разные новшества: машины, книги и др. И как из-за своих изобретений, приносящих пользу человечеству, они подвергались страшным мучениям, сжигались на кострах. (...)

Сентябрь 21 (понедельник). Открылась старая рана - начался учебный год. Больно мне, очень больно, что еще один год пропадает. Но ничего не поделаешь. Утешаю себя чем только могу. (...)

Сентябрь 22 (вторник). У ворот проверяет еврейская полиция. Литовцы все пропускают, только евреи сами отбирают. Люди очень возмущаются таким поведением. По ночам через забор идет торговля. Часовые подкупаются, поэтому они «ничего не видят». Наше положение понемногу улучшается. Продаем последние вещи. Что будет дальше - не знаю. На фронте бои идут все еще у Сталинграда. Бои идут уже на улицах, но немцы пока еще не могут взять город. (...)

Сентябрь 24 (четверг). Осенняя погода. Солнце борется с дождем, желтые листья шелестят от порывов ветра, а люди копают картошку. Всё это так привычно, так мило. Сегодня в гетто был один инцидент:

когда ввозили дрова - под ними нашли муку. Это так не пройдет. Пока арестовано пять человек. Думают, что их расстреляют. (...)

Сентябрь 26 (суббота). Надо потесниться. Каждому человеку теперь дается 2,4 метра. Мы принимаем к себе еще двух людей. Я опять буду спать в спальне. Будет очень неудобно. Сегодня целый день занимались перестановками, поэтому нет времени писать. (...)

Октябрь 8 (четверг). Папа недомогает, я этим озабочена. Сегодня нас обрадовало известие о гибели нескольких кровопийц из NSKK. Среди них и заклятый наш враг Иордан, наконец, свернул себе шею. Его труп привезли в Каунас. (*Фриц Иордан - гауптштурмфюрер СС, референт немецкого комиссара в Каунасе «по еврейскому вопросу» и фактический комендант Каунасского гетто.* - Прим.) (...)

Октябрь 13 (вторник). Ходят слухи, будто понадобится 300 человек отправить в Ригу. Думаем, что найдется много добровольцев, потому что от ранее высланных были письма, что они там прекрасно живут. Но все-таки в гетто очень беспокойно. (...)

Октябрь 16 (пятница). Вот и грянул гром: официально объявлено, что требуется 150 мужчин и 150 женщин для отправки в Ригу. Началась большая паника. Добровольцев нет. Будет плохо, если начнут брать насильно. У ворот проверка стала строже, ничего больше не пропускают нести - ни в сетках, ни в торбах. Но люди ухитрились сделать двойные подкладки, двойные подошвы, в шапки ухитряются складывать яйца и таким образом еще кое-что приносят в гетто. Но разве много спрячешь? (...)

Октябрь 18 (воскресенье). Тревожные дни. Опять оханье, плач. Опять разделяют семьи, отделяют мужчин от женщин. Прямо страшно, что здесь творится. Мы живем недалеко от кутузки, откуда раздаются душераздирающие крики младенцев. Никто из отправляемых в Ригу не надеется возвратиться, так же как и мы не надеемся когда-либо их увидеть. Однако нужного числа людей (300) все еще нет. Дело в том, что многих освобождают по протекции, а на их место ищут других. (Сказка без конца.) (...)

Октябрь 28 (среда). Годовщина. (28 октября 1941 года в Каунасском гетто была проведена так называемая «Большая акция». Во время этой «акции» угнали из гетто почти 10 000 узников и 29 октября 1941 года расстреляли их на IX форте, расположенном недалеко от гетто. - Прим.) Нет! Не верится, что так скоро, словно в мгновение ока, может промчаться год. Печальная годовщина. Но нельзя жаловаться. Я почти рада, что все это

1935 год. Спустя всего несколько лет именно Витя (слева) после побега Тамары из гетто спрячет её дневник в жестяную коробку и закопает под окнами дома... А пока - пока мирная жизнь!

1946 год. После войны от большой семьи Лазерсон остались только брат и сестра...

Спасённую из руин сожжённого гетто рукопись Тамаре удастся вывезти в эмиграцию и издать.

Фото на странице - из книги «Записки из Каунасского гетто» В. Лазерсона, Т. Лазерсон-Ростовской.

было в прошлом году, что уже произошло то, что должно было произойти. Правда, мы не можем знать, что ждет нас в будущем, но об этом лучше не думать, братцы. Пусть свершится то, что неизбежно, а пока мы довольны куском сухого хлеба и теплой кроватью. (...)

Ноябрь 2 (понедельник). Неприятный день. Меня «отрезали» от бригады и послали на аэродром. Впервые я попала на аэродром. Но это еще ничего - главное, что по возвращении в гетто нас, 8 женщин, без всякой вины посадили в кутузку. Это уже была беда: холодной ночью спать в неотапленном помещении, лежа на голых нарах. Лежала, прислушиваясь к урчанию в животе. Камера была битком набита. В углу стояла параша. Ужасная вонь не позволяла сомкнуть глаз. Эту ночь я никогда не забуду. Лежу за двойной решеткой и думаю: за что? Ничего дурного мы не совершили. Вот настали времена! Мало того, что немцы нас судят и убивают, как им заблагорассудится, так еще и своя полиция своевольничает. Мне еще повезло: с утра папа меня освободил при помощи витамина «П» (*так называли протекцию*. - Прим.). Других отправили прямо из кутузки на работы. Вернулась домой измученная, но веселая. Вот, говорю, двух зайцев одним махом убила. На всякий случай спросила папу, останется ли сейчас пятно на всю мою жизнь - ведь я уже теперь и в тюрьме побывала... (...)

Ноябрь 9 (понедельник). Сильно похолодало. Я по возможности стараюсь реже выходить на улицу. Думаю много. Иногда сердце вырывается из грудной клетки, воспоминания волнуют и мучают. Тяжело бывает в такие минуты. Но я научилась заглушать сердечную боль. Воспоминания заставляю умолкнуть и черпаю настоящую жизнь полной мерой. Часто болит сердце при воспоминании о подруге Изольде. Но и ее вместе с другими пытаюсь вытеснить из сердца и не могу, ибо эта рана слишком глубокая. (...)

Ноябрь 13 (пятница). Случаются еще разные инциденты между нами и не совсем нормальными немцами, но намного реже, чем в прошлом году. Например: в одной бригаде недавно нашим на обед сварили кошек. Конечно, никто их не ел. Пожаловались начальству, которое поддержало нас. Ну мало ли попадается ненормальных людей.

Ноябрь 14 (суббота). Немцы уже устали стоять у Сталинграда. Гетто призывает жертвовать стулья, чтобы они могли там посидеть (один из новейших анекдотов). Много смешного придумывают наши люди по поводу Сталинграда. Однако русские показали большое упорство, отстаивая матушку-Волгу. (...)

Ноябрь 16 (пон.). Ну, говорили люди и накликали беду. Вчера вечером один не совсем нормальный спекулянт стрелял в коменданта. Была страшная ночь, все приготовились умереть. Стрелявшего арестовали, также арестовали трех ответственных людей из комитета и взяли еще 20 заложников. Ночью в гетто никто не спал. Все были уверены, что за такое дело нас ожидает смерть. Но, слава Богу, ночь прошла спокойно, а с утра поползли утешительные слухи, будто он выстрелил только в воздух и поэтому гетто не угрожает никакая опасность.

Ноябрь 17 (втор.). Заложников освободили. Сегодня вывешено объявление от имени СД, что никакой акции в гетто не будет. Предупреждают, чтобы не смели поднимать панику, а кто посмеет поднимать панику - будет повешен. И второе объявление, требующее сдать имеющееся в гетто оружие, так как у стрелявшего были найдены два пистолета, полный портфель золотых часов и колоссальная сумма денег. После того как вывесили объявление, люди успокоились.

Ноябрь 18 (среда). Несчастный преступник после страшных мучений был сегодня публично повешен. Виселицу соорудили возле комитета. Сам комендант выгонял из домов людей, чтобы посмотрели на это жуткое зрелище. Я, эта взбалмошная девчонка, не смогла преодолеть любопытство и тоже пошла посмотреть виселицу. Картина вовсе не такая жуткая. Только жалость охватывает, глядя на человека, столь много выстрадавшего. Хотя другие говорят, что не надо его жалеть, ибо своим глупым поступком он мог погубить все гетто. (...)

Ноябрь 24 (вторник). Давно не читала книг. Сейчас их дьявольски трудно достать. Кроме того, вечерами темно, потому что выключают электричество. В темной и нетопленной комнате ничего другого не остается делать, как только лечь в кровать, поэтому в семь, а часто и в шесть часов я уже лежу. Это самое плохое время, ибо, когда лежишь в темноте, мучают неумолимые воспоминания о прошлом и никак нельзя от них избавиться. Сон проходит, и я так мучаюсь до полуночи. (...)

Декабрь 6 (воскресенье). Сегодня, читая газету, увидела соблезнование семье Доминас. Что случилось? Оказывается, погиб Генрикас. Что и как - не написано. Я остолбенела. Погиб Доминас, погибла Изольдина и моя любовь. Дальше газету не смогла читать. В голове роились печальные мысли. Так друг за другом гибнут, умирают друзья детства. Когда же мой черед? Смерть, о, всемогущая смерть! Что значит вся жизнь перед одним мгновением смерти?! (...)

Декабрь 11 (пятница). Чтобы немного забыться, в гетто стали устраивать концерты. Вот, к примеру, завтра будет ужин для врачей. Приготавливают несколько бутербродов, стакан чая и программу, состоящую из творчества гетто. Есть очень красивые песенки и стихи. Итак, люди забываются на один вечер и чувствуют себя вроде бы в другом мире. (...)

Декабрь 17 (четверг). Говорят, что все союзные государства объявили протест: в течение двух минут было остановлено движение и люди склонили голову, сочувствуя нам. Очень приятно, что нас вспоминают. Но что из этого?

Декабрь 18 (пятница). В гетто настроение подавленное. Дело в том, что немцы уже отреагировали на вчерашний протест. Идут слухи о манифестациях в Германии и что каждую минуту по радио передают: «Евреев надо уничтожить. Евреев надо уничтожить!» В гетто началась паника. (...)

Декабрь 31 (четверг). Мрачная новогодняя ночь. Решается наша судьба. Суждено ли нам в 1943 году увидеть солнце? Стараемся быть веселыми, но это нам не удастся. Не желая нарушать традицию, сделали сегодня хотя бы ужин получше. Не думайте, даже с кислой капустой. В двенадцать часов раздаются выстрелы - это встречают в городе Новый год. Но мы молчим, не слышим. Мы давно, не дождавшись двенадцати, заснули.

1943

1943 год. УРА!!!

Январь 2 (суббота). В связи с Новым годом у наших рабочих несколько свободных дней. Работы на аэродроме уже почти закончены - там теперь работают только женщины. Для мужчин есть еще худшая каторга - строительство Зеленого моста. Работа там очень тяжелая. Поэтому, точно как в прошлом году ловили людей для работы на аэродроме, так сейчас ловят для работы на Зеленом мосту. (...)

Январь 22 (пятница). Завершился последний акт трагедии с Гайстами. Его расстреляли на IX форте, а она, бедняжка, отравилась. Жаль. Траур в сердце из-за этой несчастной пары.

Январь 24 (воскресенье). Получила «службу». Каждый день приношу соседке (наши соседи пожилые люди. Зубной врач Тверье и его жена. Им не дойти до обледенелого колодца за водой) три ведра воды и зарабатываю одну марку. Тоже заработок! Ах, все это ерунда. Я соскучилась по

друзьям, по любви. Бешусь, злюсь, горит во мне огонь, сама не пойму, что со мной творится. (...)

Март 8 (понедельник). Самое большое мое желание наконец исполнилось. Меня приняли в ремесленную школу на курс огородников. Сегодня была на комиссии. Все в порядке. Как только закончит занятие первая группа, начнем заниматься мы. Кроме того, открылись еще курсы шитья, но я туда записываться не хочу.

Апрель 4 (воскресенье). Почти целый месяц не писала. Сейчас я уже работаю в ремесленной школе. Я очень довольна. Лекции весьма интересные. Мы записываем, потом учим. Меня сейчас совсем нельзя узнать, ибо я работаю и учусь на благо нашей Родины - Эрец-Исраэль (*Израиль*. - Прим.). Сегодня отдала довольно большую статью в стенную газету. Статью кончила девизом: «Вперед, за работу, друзья! Нас ждет Эрец-Исраэль». Весело...

Апрель 7 (среда). Радость! Ликуй, ликуй, сердце, целуйте, уста, этот маленький листочек от Казиса. Думала, что он забыл меня, но нет, вот и прислал привет. Не могу прийти в себя от радости. Это великолепнейший, интереснейший роман, роман моей жизни и любви. Помешавшись от счастья, любви и радости, сочинила стишок, в котором прекрасно отражается мое помешательство. (...)

Май 13 (четверг). Здравствуй, мой дорогой дневник. Я опять устремляюсь к тебе. Только прости, что так долго не писала. Зато много, много тебе сегодня расскажу. Ну, начинаю. От Казиса получила всего два письма. Уже начинала воспламеняться любовь в моем сердце, но он ее погасил. Ну, к черту! Продолжаю работать в оранжерее три раза в неделю. Блоком «С» я очень довольна: отличная компания, весело. Я учусь хорошо. Мой огород замечательный. Сегодня уже ела первую редиску. Посадила помидоры. Красота! На днях в гетто было плохое настроение, но сегодня отличное, кажется, еще месяц - и мы свободны. Об этом я уже мечтаю. Политические новости тоже хорошие. Немцы изгнаны из Африки, им предложен мир. Геринг и Геббельс отправились в Рим. Ждем, ждем свободы, сердце бьется сильнее в груди. Может быть, через неделю отворят, откроют ворота тюрьмы. Жди меня, Родина дорогая, я скоро буду. Еще немного, и тогда я твоя, о Эрец-Исраэль!

Май 20 (четверг). Неделя промчалась как дым, а я все еще с желтой звездой «почета». Сейчас регистрируют детей от 13 до 16 лет. Надо обязательно явиться. Наверное, организуют детскую бригаду. (...)

Май 25 (вторник). О боже! С болью в сердце возвращаюсь к тебе, милый дневник. Я не могу стерпеть и надеюсь на твоих страницах излить всю боль, что давит меня. О, была ночь! Восхитительная и страшная ночь! Эту ночь я не так скоро забуду. Она многое мне открыла. Только сейчас я увидела, насколько была слепой. Как испорчена, как развращена молодежь гетто! Вместо того, чтобы отдаться священному чувству любви к Родине, к своему ближнему, они предаются разврату. Они свили себе гнездо в блоке «С». Несколько опасных ребят-первокурсников испортили всех остальных детей. На блок «С» сейчас смотрят как на гнездо разврата. Мне противно, я не могу этого понять. Я одна, слабенькая, должна выстоять против всего этого. (...)

Август 2 (понедельник). Настроение плохое. Вывезли людей в Кедайнй. Жуткий плач, рыдания, словно перед смертью. (...) Ах, надоела уже война! Погода чудесная. Солнышко жарко греет. Небо синее. Лежу себе в тени и размышляю. Меня целует легкий ветерок. Размышляю о юности, смерти, о жизни. Размышляю об уходящих днях, о прошлом, а может быть, и о Казисе. Но он разочаровал меня. С ним связывала большие надежды и большую любовь. Сейчас не люблю его больше. Его место занял Вовик. Учю древнееврейский, трудный, но красивый язык. (...)

Август 10 (вторник). Вчера приезжала в «веркштаты» экскурсия - гитлерюгенд. Они приехали посмотреть на работающих евреев, как будто в зоологический сад. Для них это развлечение.

Сентябрь 3 (пятница). Дождь. Небо пасмурное, настроение мрачное. Ужасные, ужасные дела творятся. Как я вчера узнала, немцы, отступая, забирают с собой малолетних детей от 2 до 10 лет. Эшелоны с этими детьми прибывают в Литву. Тут часть детей уничтожается, а остальные продаются по 2-3 марки за ребенка. Ужасно! Волосы становятся дыбом, когда слышишь о такой жуткой действительности. Ах, вот до чего докатилась культура Западной Европы! Так всё, вся культура движется не вперед, а назад. Не хватает только того, чтобы немцы стали жрать живых детей. Вот к чему приводит война! Вот к чему приводит утверждение, что войны ведутся ради будущего других поколений, а следующие поколения заявляют опять то же самое - что тоже воюют ради следующих поколений. И так от века к веку человечество опускается, культура приходит в упадок, и... мир катится вниз. (...)

Сентябрь 10 (пятница). Несколько дней тому назад было похоронное настроение - страшные слухи «казернирунг» (*буквально «перевод на ка-*

По разным данным, фашисты создали от 7000 до 42 000 лагерей и гетто для европейских евреев во время Второй мировой войны. Почти все узники еврейских гетто были уничтожены во время холокоста. Нюрнбергский процесс признал жертвами Шоа (катастрофы европейского еврейства) 6 000 000 евреев Европы.

На фото - Минское гетто.

Фото с сайта holocaustresearchproject.org

зарменное положение», а по сути превращение гетто в концлагерь и важный шаг на пути к ликвидации гетто. - Прим.). Это пугающее слово передается из уст в уста, все дрожат. (...)

Сентябрь 18 (суббота). Настроение плохое. «Казернирунг» состоится на все 100%. Сегодня было последнее заседание. Огромное несчастье неизбежно. Увы... Страшная неизвестность, что сейчас будет? Расстреляют? Останемся жить? Страшно. Лучше уж смерть, чем неизвестность. Болит сердце. Не знаю, что теперь делать. Виктор принес плохое известие, будто бы Рудик расстрелян. Он встретил человека, который был вместе с Рудиком на VI форте. Нет! Нет! Не хочу! Я не верю. Нет! Не может этого быть. Сердце говорит - нет, губы твердят - нет. Мало ли смуглых людей? О Боже, как страшно. Братик, ты жив еще, я знаю. В ответ тишина, жуткая тишина. Что же вы молчите, стены? Кричите, говорите, успокаивайте мою душу, прошу только одно словечко, самое дорогое - НЕТ!

Сентябрь 20 (понедельник). Туман покрывает небо, грусть - сердце. Настроение подавленное. Лагерь, «казернирунг» - эти страшные слова передаются из уст в уста. Перед глазами вижу мрачную картину смерти. Гетто переживает последний и самый опасный этап. Фронт приближается. Беспокойно бьется сердце. Настроение у меня плохое. Смерть кажется страшной, жизнь привлекательной. Сегодня должно окончательно проясниться положение - два начала борются: кто победит, жизнь или смерть? Надейся, надейся, только в надежде твоя жизнь. Надейся и жди. Вечный Жид. Позавчера откровенно побеседовала с Рашей, открыла ей свою душу, рассказала о своих желаниях, о своих делах. Она, кажется, осталась мною довольна. Я ее горячо люблю. Раша - вот это человек, - твердит мое сердце, - ты по сравнению с ней червяк, упрекаю сама себя. (...)

Тестамент (завещание)! После моей смерти передать Раше эту половину моей души (дневник). (...)

Октябрь 1 (пятница). Новый год! Праздник. Наш Новый год. Волнения. Застрелили Савицкаса. Очень жаль его. Опять всплыл «казернирунг». Настроение страшное, напоминающее первые дни в гетто. Этот новый комендант, этот Гекке - паршивый тип. Так ничего. (...)

Октябрь 6 (среда). Самочувствие плохое. Слабость дает о себе знать. Начала бояться. Говорила с Цилей: жизнь так интересна! Виктор что-то готовит. Я начала шпионить за ним. Вроде хочет убежать или связался с какой-то организацией, а может, прячет оружие, кто его знает? (Виктор

принадлежал к сионистской группе «Бейтар», входившей в подпольную сионистскую организацию МАЦОК. - Прим.) (...)

Октябрь 23 (суббота). Чудесная осенняя погода. Многие люди убегают из лагеря. Большинство присоединяется к русским партизанам. Опасаемся несчастья. СД заняли блоки и уже построили вокруг них забор. Говорят, что ликвидируют ремесленную школу. Я ко всему равнодушна. Надоело сидеть в лагере, всем сердцем тянет в город, хочется идти в бригаду.

Октябрь 26 (вторник). Жутко. В половине шестого утра нас разбудили страшные крики: «Гетто окружено, на улице Варню находятся 50 грузовиков!»

Все поднялись, началась паника. То тут, то там виднелись испуганные лица женщин и детей. «Акция!» - мелькнула первая мысль. Но нет! Через короткий промежуток времени выяснилось, что берут на работу. Со списком в руках от дома к дому шли немец и два еврея. Приказано: собраться и отправляться. Увезли Розу, Иру, Люсю, Баронов, боюсь за Рашу. Мы уложили вещи и ждем своей судьбы. Я смелая. Люди утомлены, равнодушны: «Если не сегодня, так завтра»... Бог знает, где лучше. А смерть только одна. Утешением служит то, что вчера вывезли 1800 литовцев. Сажу и жду, что будет. Смотрю через окно - не идут ли за нами...

Ноябрь 3 (среда). И на сей раз буря прошла стороной, не затронув нас. Вывезли на работы 4000 человек. Отделили мужчин от женщин и разделили всех на три группы. Одна партия прибыла в Ригу, другая - в Запишкис. Но точных сведений нет. (...)

Ноябрь 13 (суббота). Опять 300 человек оторвали из гетто и отправили в Марьямполе на работы по прокладке кабеля. Так понемногу отрывают и отрывают людей - пока никого не останется. На этой неделе будто должно начаться «казернирунг», но пока тихо. Фронт приближается, русские уже в 15 км от латвийской границы. В гетто настроение неважное, говорят, что в Шяуляй вывезли всех из гетто. (...)

Ноябрь 28 (воскресенье). Пробил час - «казернирунг» приблизился. Во вторник начинают казернировать аэродром. Большое волнение. Имеются уже списки, кого и где будут казернировать. Люди получают извещения. Настроение плохое. Наша работа (в организации) продолжается. Я чувствую в себе большую силу - она побуждает меня работать без оглядки. Вперед, на смертный бой, друзья! До последней капли крови смогу бороться. Вперед, только вперед!

Ноябрь 29 (понедельник). Необыкновенный день! Руль моей жизни, кренившийся вправо, теперь совершенно выровнялся. Впереди только прямая дорога. Смело смотрю направо и налево. Нет никаких перекрестков, мой путь ведет прямо и прямо, вперед, все вперед. Дороги назад нет. Первая ступень, самая тяжелая ступень, преодолена. Сейчас я буду подниматься все выше и выше, ступень за ступенью на высоту моего народа, на пик победы. Клятва произнесена. Устами вещало само сердце. В комнате царила торжественная тишина. Сейчас я уже истинная дочь моего народа. Буду бороться до последней капли крови ради спасения моих братьев. Хватит мучений! (...)

Ноябрь 30 (вторник). Сегодня бригады не ушли в город. Первый «поезд» уехал. Я была на «станции». Страшная картина: вся ул. Крикшчюкайчэ полна людей, тюков, малых детей. Люди держались - на их лицах застыло ледяное выражение. Нет более слез! Подъезжает грузовик за грузовиком. Евреи садятся, втаскивают вещи, оглядывают последний раз гетто, и грузовик трогается. Тогда начинают махать шапками, носовыми платками, что у кого есть. На глазах выступают слезы, у некоторых прорываются рыдания, и это все... Так уезжают люди из жизни и, как овечки, все еще с надеждой, въезжают в ворота смерти...

Декабрь 5 (воскресенье). Декабрь. Лежит глубокий снег. На дворе холодно. Виктор был у Казиса, принес мне привет. К. ищет для меня укрытие. Я тоже не хочу быть наивной овечкой. Вчера работала ночью. Наша работа продвигается вперед. Хоть это меня радует. Я полна энергии. Что касается переселения, то первый район еще не переселяется, но ходят слухи, что придется нашему району переселяться. С «казерн-рунг» тоже есть время, по крайней мере, до Нового года. Я колеблюсь. Передо мной четыре перекрестка. Куда мне свернуть? Посоветуй мне хотя бы ты, Иисус, когда-то я так тебя любила! Казис в шестом классе. Еще два года, и он кончает. Словно ножом укололо в сердце. А что будет со мной? Кем я стану? Открылась старая рана - учеба, учеба... Три потерянных года. О боже! Вспомнилось прошлое. Класс за классом я поднималась все выше и выше, но вдруг стоп, препятствие, и уже три года я не учусь. Трудно утешить себя. Но только не убивайте, не губите меня. Я еще достигну своего! (...)

1944

Январь 1 (шабат). Первое января - новая страница в нашей жизни. Рассвело новогоднее утро. Завершилась летопись старого года, запол-

ненная страданиями и слезами. Перевернута последняя страница, полная горя. Все жестокие события, вся пролитая кровь невинно загубленных жертв - все в ней отмечено, и Тебе, 1943-й год, придется ответить перед судом Божиим и выдать виновных. На страницах истории будешь Ты, 1943-й, отмечен как самый кровавый и жестокий год для еврейского народа. Что хорошего принес Ты? Ничего, ничего! Зато плохого так много! Уже с самого начала Твоей власти, еще при царствовании молоденького января, какие акции совершал в Вильнюсе? А? Признайся! Что с Гайстами сделал? А когда вывозили людей в Кедайняй? Скажи! Когда продавали русских детей? Когда отправляли в Кайшядорис, разрывая семьи пополам? А страшная черная туча «казернирунг», которая - то приближаясь, то удаляясь - только издевалась над бедными страдающими людьми. Когда погиб Савицкас? Вспомни, 26 октября - самый страшный день изо всех дней, за этот один день будь Ты проклят! Три тысячи людей были вырваны из гетто и отправлены куда-то в холод и грязь в чужой Эстонский край. Сироты! (...)

Что? Ты молчишь? Молчишь, у Тебя нет слов для оправдания! Виновен Ты, проклятый год, к суду призываю Тебя - будь проклят, будь проклят! За все кровавые жертвы придется ответить Тебе, кровавый 1943 год! (...)

Январь 23 (воскресенье). (...) Уже вечер. Кончится это счастливое воскресенье, и завтра опять на работу. Ежедневно в бригаде та же картина: женщины, как стадо скота, подгоняемые пастухом с ружьем в руках. Так бегут дни, недели, месяцы, и все одно и то же. И каждый день идешь в бригаду, считаешь часы - уже 12, уже обед, еще через пару часов уже пять, шесть и, наконец, благословен будь час, идем домой. Эта дорога: шлепанье по грязи, по лужам и ругань, оханье измученных существ. Наконец - ворота, гетто. Уже дом! Кажется, счастье, но нет, ведь завтра опять то же самое. Точечка в точечку повторяется день. День чернорабочего, день бедолаги.

И этот постоянный зов - хлеба и света! Вокруг лишь голод и мрак. Нет ничего для души, нет пищи для ума. Человек-машина недолго тянет. Его здоровье пожирает фабрика - мрачная убийца. Она вбирает в себя здорового, мускулистого юношу с красивыми мечтами и ясным умом. А выбрасывает почерневших, преждевременно постаревших, никуда не пригодных людей-инвалидов. Да, жизнь так мрачна. Необразованный человек ничего лучшего не видел: он не знает, что такое зна-

ние, его дни пробегают впустую, он отдает свою физическую силу, он заменяет собой машину. Но ненасытная машина высасывает его силы и отбрасывает прочь. Человек умирает. На его место становится другой юноша и кончает тем же. Все кончат так же. Но я, я на это не согласна, я хочу учиться, я хочу столь недостижимого. Я хочу быть образованным человеком и просвещать мир. И вот, когда в моей голове такие мечты, такие стремления, я должна сидеть сложа руки в неволе и смотреть, как проходят лучшие дни моей жизни! Впустую, без надежд на будущее, без чего-нибудь реального в настоящем, лишь с пустыми фантазиями в голове. Страшно. Промчалось жутких три года, и никто мне их не возвратит... (...)

Март 7 (вторник). Сегодня я дома. Всю неделю работала. Вчера был мой день рождения. Исполнилось 15 лет. (...)

Март 27 (понедельник). Акция. 1500 малых детей и старых людей вывезены на форты. Сорок еврейских полицейских кончили свою жизнь на IX форте. Других продержали несколько дней и за сообщенные сведения освободили. Многие убежища обнаружены. Погибло молодое поколение - дети до 12 лет, погибли старики, погибнем и мы. (...) Были и героические матери, которые собственными руками душили своих детей, которые настаивали, чтобы сперва убили их и только потом забрали детей. А дети? Молодые родители отдали все, что было для них самым дорогим. Муж нес на руках до грузовика стариков родителей-инвалидов, жена несла малюток. Жутко! А солнце какое было! И оно улыбалось...

Март 28 (вторник) (продолжение). Думала, что уже конец. Всем. Кровавая трагедия. Не хватает слов писать. Я оба дня была на работе. О, бедные, бедные матери, вернувшиеся с работы домой и не нашедшие своих детей. И к кому, к кому осталось обращаться? Бога нет - он посылает солнце смеяться, люди предатели, один хуже другого. Они выдают детей, которых удалось спрятать. Богу, братству, идеалу Ч всему пришел один конец. Над всеми властвует инстинкт жизни и смерти...

Апрель 4 (вторник). На первый взгляд, кажется, все успокоилось. Кого не коснулась беда, тот остался спокоен. У кого вырвано сердце, рана от сострадания не заживет, ой не заживет. Сытый голодного не разумеет. И все же гетто нам ничего хорошего не обещает. Кто может, убегает. Ясно, вначале старых, потом молодых...

Апрель 7. Побег.